

Бургете М.Р.

Поэзия в поисках истины

Аннотация: На примере параллелей, проводимых между философскими моментами поэзии Максимилиана Волошина и мировоззрением народов, говоривших на языке науа (ацтеков), показывается, схожесть и созвучие образов и смыслов, созданных на основе мифопоэтического мировосприятия, понимаемого как способ познания, присущий человеку наравне с рационально-теоретическим. Проведенный анализ фактического материала показывает отсутствие прямого контакта и возможности заимствования, следования или подражания. В то же время, образы и смыслы, созданные в культурах, не имевших в реальной истории точек соприкосновения во времени, и пространстве оказываются близкими по содержанию и значению. Ряд общих моментов выявляется на основе сравнительного анализа ряда источников, поэтических текстов и отдельных аспектов мировоззрения. Приводимые примеры послужат подтверждением того, что мифопоэтика, во многом, благодаря своей философской насыщенности, остается познавательной структурой, видом существования и производства знания, облаченной в поэтические художественные формы, что в значительной степени способствует межкультурной коммуникации, в которой понимание выступает в единстве средства и конечной цели.

Ключевые слова: Диалог культур, межкультурная коммуникация, понимание, параллели смыслов, философская мысль ацтеков, Максимилиан Волошин, завоевание Америки, культура Мексики, Диего Ривера, Серебряный Век.

Review: Based on the example of parallels between philosophical reflections in Maximilian Voloshin's poetry and world views of peoples speaking Nahua (Aztecs), the author of the article demonstrates the similarity and assonance of images and meanings that were created as a result of mythopoetic world perception, the learning style used by human along with the rational cognition. The analysis performed by the author demonstrates that there is neither a direct approach nor a possibility for adoption, following or imitation. At the same time, images and meanings that were created in cultures that had no actual points of coincidence in time or space happen to have very close contents and meanings. A number of general provisions is made by the author based on the comparative analysis of a number of sources, poetic texts and particular aspects of the world view. The examples provided prove that mythopoetics is still a cognitive structure, mostly due to its philosophical content. Mythopoetics is a form of existence and production of knowledge in poetic art forms which considerably contributes to the cross-cultural communication when understanding is the mean and the final goal of communication.

Keywords: American Conquest, Maximilian Voloshin, Aztec philosophy, parallel meanings, understanding, cross-cultural communication, cultural dialogue, Mexican culture, Diego Rivera, Silver Age.

Caminante, son tus huellas
el camino, y nada más;
caminante, no hay camino,
se hace camino al andar.
Al andar se hace camino,
y al volver la vista atrás
se ve la senda que nunca
se ha de volver a pisar
Caminante, no hay camino,
sino estelas en la mar

Антонио Мачадо, 1917

Основной замысел данной работы – показать, что люди способны понять друг друга.

Утверждать безусловность и истинность собственного понимания другого все равно, что доказывать бытие Бога – бес-

смысленно, а потому, вслед за В.В. Налимовым употребим выражение «вероятностное» постижение смысла. Это скорее угадывание, узнавание, созвучие. Здесь важна интуиция, воображение, надежда и вера в то, что это возможно в принципе и, как

бы пафосно это не звучало – добрая воля и стремление достичь понимания.

Проблема понимания сложная и многомерная. Во-первых, она пронизывает всю человеческую историю – прошлую, настоящую и будущую. Во-вторых, объектом изучения становятся различные культуры во всем их многообразии и взаимодействии. В-третьих, эта проблема может, должна и становится предметом исследования различных наук: психологии, лингвистики, культурологи, герменевтики.

Наша задача, с позиции философии, не вторгаясь в область вышеупомянутых областей знания, обозначить мифопоэтическое мировосприятие, (понимаемое как способ познания, присущий человеку наравне с рационально-теоретическим) как некое общее основание, в рамках которого могут рождаться универсальные смыслы, делающее возможным понимание и его дальнейшее рациональное объяснение.

На примере параллелей, проводимых между философскими моментами поэзии Максимилиана Волошина и содержанием взглядов, заложенных в дошедшем до нас наследии безвозвратно утраченного мира – мировоззрения народов, говоривших на языке науа (ацтеков), покажем, что образы и смыслы, рожденные их творчеством, сравнимы, и могут быть схожи, не только по форме выражения: в мифах, поэзии, изобразительном искусстве а – содержательно. Такая схожесть способна стать залогом межличностного, межъязыкового и межкультурного взаимопонимания независимо от языковой, временной или культурной принадлежности. Постараемся, употребляя физиологическую метафору, избежать «разжевывания» смыслов, в процессе которого «переработанный продукт» может изменить или вовсе утратить свою изначальную сущность. Приводимые примеры послужат подтверждением того, что мифопоэтика, во многом, благодаря своей философской насыщенности, остается познавательной структурой, видом существования и производства знания, облаченной в поэтические художественные формы.

В то время как история человеческой цивилизации пошла по пути смены традиционных обществ техногенным типом развития, а доминирующим, магистральным типом познания стала научная рациональность, мифопоэтическое мировосприятие оказалось полностью вытесненным в плоскость лите-

ратурно-художественного творчества. Это не лишило его способности быть источником достоверных знаний о мире и человеке, которые позволяют, например, расшифровать, понять и вернуть к жизни письменность и знания иных, ушедших культур, переводить поэтические тексты, воспринимать и понимать смысловое наполнение идей и творений, созданных другими культурами. Именно философская составляющая, в своем образном, метафорическом выражении, может выступать как одна из вневременных, поликультурных и междисциплинарных основ, делающих возможным существование, понимание и передачу смыслов.

О следах и последователях

Использование слов испанского поэта начала XX века в качестве эпиграфа требует определенного оправдания, так как было бы в некотором роде плагиатом – именно они используются в качестве такового Ассоциацией сложного мышления в своих информационных бюллетенях. Антонио Мачадо был современником Максимилиана Волошина, эти строки написаны в 2017 г. К сожалению, ни один из русских переводов не передает, содержащегося в них глубокого философского смысла, делающего их такими программно нагруженными и притягательными. Возможно, Волошин как поэт-философ смог бы перевести их так, что сохранился бы этот смысл и поэтическая ценность. И не только потому, что был одарен талантом поэта, философа и переводчика, а потому, что содержащийся в них философско-методологический посыл, абсолютно соответствовал устремлениям и мироощущению русского поэта. Потому – всего лишь подстрочник: «Путник, дорога это твои следы, / и больше ничего; / Путник, дороги нет / дорога делается тем, кто идет. / Тем кто идет делается дорога, / и обратив взгляд назад / будет видна тропа / на которую никогда не вступить. / Путник, дороги нет, лишь скалы в море.

Образ поэта-путника прочно закрепился за Волошиным, таковым же было его мироощущение на протяжении всей его жизни. Понятие пути для Волошина многолико, многозначно и пронизывает все его творчество. При этом Волошин всегда ищет свою, собственную дорогу в бесконечном пространстве мировой культуры, улавливая смыслы, созвучные собственным мыслям и чувствам, прочно стоя но-

гами на реальной земле любимой Киммерии, открывает самые загадочные тайны познания Вселенной. Для него личный путь это всегда познание мира, и осознание своей судьбы как сопричастности ему.

«Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле, таинственной и строгой,
Лучатся тысячи тропинок и дорог!
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!
Все видеть все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Все воспринять и снова воплотить»
(1903 или 4 год) [2, с.75]

Благодаря этим воплощениям мы, столетие спустя, можем попытаться пройти по его следам и, если повезет, сделать по пути следования собственные открытия.

Несколько слов о том какая цепь личных ассоциаций и совпадений привела к возникновению мысли о том, что они могут быть не случайны. Размышление об этих лежащих на поверхности, очевидных фактах, и привело к написанию данной работы.

Дом Поэта в Коктебеле – удивительно живой и загадочный, о нем можно рассказывать бесконечно: портреты Волошина кисти Диего Риверы; на полочке в кабинете на втором этаже – маленькая (по сравнению с Таиах, крошечная) керамическая фигурка, явно имеющая, древнее мексиканское, происхождение. И главное – невероятная, что бы быть случайной, созвучность образов и смыслов поэзии Волошина и миропонимания народов, населявших мезоамерику в доколумбову эпоху. Приятное удивление, которое я испытала, встретив в книге известного историка В.И.Гуляева посвященной завоеванию Америки в качестве эпиграфов стихи Волошина.

Сейчас не восстановить, какое именно из стихотворений Волошина произвело впечатление неожиданного узнавания. Бывают моменты, когда встретив кого-то знакомого, но не близкого в месте, в котором совершенно не ожидаешь его увидеть, от неожиданности и удивления не сразу понимаешь – кто это и откуда ты этого человека знаешь. Подобное удивление и неосознаваемое в первый момент чувство узнавания было у меня. Вероятно, это совпало с тем, что в тот момент мне повезло переводить для переиздания книги Мигеля Леона-Портилья дополнительные новые главы и как говорить – «оказаться в теме».

В последствие, каждый раз, открывая наугад стихи Волошина, я неизбежно испытывала то же ощущение, только в отличие от первого, оно было ожидаемо. Известно, если знаешь что ищешь, то это и находишь, и далеко не всегда оно оказывается «притянутым за уши».

О невозможных возможностях

История знакомства и дружбы Максимилиана Волошина и Диего Риверы летом 1915 г. хорошо известна и описана свидетелями и участниками тех событий. М.Б. Воробьевой-Стебельской (Маревной) Ильей Эренбургом и самим Волошиным. Эти воспоминания дают редкую возможность почувствовать атмосферу того времени, создают иллюзию присутствия и сопричастности, позволяют воссоздать ушедшую эпоху и понять сегодня чувства и мысли живших некогда людей. Чем дальше во времени мы уходим, тем явственнее ускользает живое ощущение эпохи, от которого так зависит адекватность восприятия, и тем большее значение приобретает текст и изображение. Мелкие детали и бытовые подробности, столь важные для воссоздания духа времени, все же оказываются недостаточно информативными, когда мы начинаем задавать вопросы, касающиеся более глубокого проникновения в область интеллектуального, духовного общения исторических персонажей. В.П. Купченко. собрал и изложил, наверное, все сохранившиеся факты этого знакомства, но о содержательной стороне они практически ничего не говорят и оставляют достаточный простор для фантазии и предположений. [6]

Упоминаний о том, о чем могли говорить, какой информацией обмениваться Волошин и Ривера не сохранилось, и получить сведения такого рода можно лишь косвенно – обратившись к некоторым моментам их биографий и творчеству.

Ривера был на 9 лет моложе Волошина и к моменту их встречи в Париже уже восемь лет находился в Европе (с 1907 г.). Для мексиканских художников такая поездка давала возможность получить образование в Испании, Франции и Италии. Их родина в этот момент переживает тяжелейшие социально-политические потрясения. В области же искусства революция 1910 – 1917 года стала важнейшим событием не только в жизни Мексики,

но и считается поворотным пунктом в истории искусства всей Латинской Америки. Этот период вошел в историю под именем «Мексиканского возрождения». Хосе Клименте Ороско, Диего Ривера, Давид Сикейрос в последствие станут классиками мировой монументальной живописи.

Ривера родился и вырос в Мексике и, не смотря на то, что в нем текла не индейская, а испанская и еврейская кровь, несомненно, являлся носителем определенного «национального мексиканского» духа, даже не обладая глубокими систематическими знаниями в области культурного наследия древних. Как художественной натуре, ему было вполне достаточно визуального контакта с монументальным мексиканским доколониальным искусством, которое, благодаря своей синкретичности, продолжало нести глубочайшую смысловую нагрузку, не смотря на плачевное состояние спустя четыре века после завоевания.

«Такого сочетания разумной геометрической тектоники построек с неудержимо буйной стихией орнаментально-символических мотивов не знает ни одно другое искусство.... Архитектурные образы Древней Мексики не только плод разума, утверждающего математическую упорядоченность, проникнутую пафосом созидания государственной системы, но и результат сказочно-поэтического творчества, порождение массовых фольклорных художественных представлений. Зодчество индейских государств живет и развивается в сфере художественной фантазии мастера – резчика, лепщика, каменотеса; здесь связываются народное орнаментальное искусство и деятельность планировщика и архитектора, умудренного математическими навыками». [14, с.19] Настенные росписи были обнаружены только после 1945 г. «Как и в архитектуре, в пластике раскрывается совершенно своеобразное единство строгой логики и фольклорной сказочности. Подобные же сочетания научно-логического и изобразительного – орнаментального начал свойственны и пиктографической письменности древних индейцев». [14, с.24] И все же, занимаясь изучением европейского искусства в 1915 году, Диего Ривера был далек от того, чтобы сознательно стать транслятором идей и смыслов мировоззрения доколумбовой эпохи. Об этом говорят и его работы того времени.

Несколько позже, в 1921 г. молодые мексиканские художники, озабоченные поиском

собственного, нового по форме и содержанию, соответствующего их революционному настрою и представлениям, пути в искусстве опубликовали в Барселоне в журнале «Вида Американа» манифест, по словам Сикейроса представлявший синтез их с Риверой идей. В нем говорилось: «понимание удивительной человеческой глубины искусства аборигенов и народного творчества в целом направило на ясный и правильный путь изобразительное искусство, свернувшее четыре века назад на темную тропу ошибок. Так давайте же сблизимся с древними жителями наших долин, с индейскими художниками и скульпторами (майя, ацтеками, инками и другими). Наша природно-климатическая близость поможет нам проникнуться живительным духом их произведений, в которых живет сама природа, и это может послужить нам отправной точкой. Воспримем же их способность к обобщениям, ни в коем случае не впадая в достойные сожаления архаические реконструкции (“индеанизма” “американизма”), которые в моде среди нас и ведут лишь к стилизации прошлого». [15, с. 100]

Уже после возвращения из Европы 1922 г. Ривера на практике обратился к национальным мексиканским корням. Вот как описывает это время Д.Сикейрос: «В своих устремлениях мы инстинктивно обращались к археологии, и археология, безусловно, стала для нас самой надежной опорой, иными словами, мы обращались к тому образному толкованию человека, которое сложилось за долгие века существования наших великих доиспанских традиций». [15, с.117] И далее: «Нас всех обуяло какое-то этнографическое безумие. Похвальное слово индейской расе, которая якобы потенциально выше всех остальных и по своим умственным способностям, и по своей красоте, стало своего рода ежедневной молитвой Риверы и его полемическим оружием во всех дискуссиях» [15, с.129]

«Эстетические взгляды Риверы базировались на его пристрастии к памятникам древней культуры и носили популистский характер.... Кроме того, Ривера, латиноамериканец-интеллигент, проживший четырнадцать лет в Париже, привносил в наше движение, так сказать “туристическое мышление”». [15, с.131] Не говоря уж о том, что слава «пустобреха» прочно бала закреплена за Риверой, задолго до его славы художника. Так, например: «Все необычное, все исключительное в искусстве тольтеков, как и всех других доиспанских ху-

дожников Мексики, в особенности скульпторов, объясняется тем, что они творили под воздействием “каннабас индика”, то есть марихуаны, – утверждал Ривера... И призывал всех курить марихуану». [15, с.127]

Как бы заманчива и красива ни была версия передачи через Риверу содержания доколониальной мысли древних народов, она все же маловероятна. Остается только предположить, что каким-то непостижимым образом, говоря словами Марины Цветаевой, «окольными путями мистики, мудрости, дара» Волошину удалось через века и пространство уловить и воспроизвести мысли, идеи и чувства далекой, практически уничтоженной культуры. Мог ли Волошин самостоятельно получить серьезные знания о ней, и есть ли особое значение в фразе сказанной Ильей Эренбургом в очерке о Волошине: «Все, что он говорит, кажется неестественным, невозможным, ...с ним легче разговаривать о Майе или о надписях на солнечных часах».

Известно, что на протяжении всей жизни Волошин « жадно познавал пространство и время, народы и их культуры. При свойственном Волошину артистизме он легко проникал в любую историческую среду, отделенную от него морями и столетиями, он чутко и внятно воспроизводил померкшие в памяти поколений исторические краски. Это его свойство подмечено современниками поэта и воспроизведено в их воспоминаниях. Взгляд на мир с высоты тысячелетних культур разных народов становится у Волошина главенствующим в пору его творческого созревания. Судьба народов Земли, самой Земли в кругу светил – вот что его интересует в первую очередь». [13] С. Маковский, вспоминая о Волошине, пишет: «Душа у него была поистине вселенская, причастная всем векам и народам. И начитан он был универсально, хоть и по дилетантски, «на живу нитку», была сшита его эрудиция» [10, с. 146]

В связи с упоминанием имени цивилизации Майя, гораздо более вероятной выглядит версия более близкого знакомства Волошина с этой культурой благодаря дружбе и общению с Константином Бальмонтом. Их встреча в 1902 г. вылилась в долгую дружбу – с встречами, долгими беседами, перепиской. В 1905 г. К.Бальмонт путешествует в Мексику и США. «Ты раздвинул яркий горизонт / Лемурия... Атлантида... Майя / Ты пловец пучин времен, Бальмонт!» – пишет Волошин в «Напутствии Бальмонту». В 1910 г. включен-

ный в книгу К.Бальмонта «Змеиные цветы» выходит вольный перевод на русский язык отрывков из эпоса майя киче «Пополь-Вух». Найденный монахом-домениканцем Франсиско Хименесом в начале XVII в., его текст был переведен и опубликован Ш.Э.Брассером де Бурбуром – этот текст один из немногих записанных латиницей дошедших до нас источников майя. Как известно, способ дешифровки письменности Майя был предложен советским ученым Ю. В.Кнорозовым только в середине прошлого века.

Об источниках и истоках

Какие еще источники теоретически, могли попасть в начале XX в. в поле зрения русского поэта Максимилиана Волошина, из которых он мог получить реальные знания о действительном содержании наследия древних цивилизаций?

К этому времени уже существовали исследования, культуры майя, и были известны имена ученых, среди которых историки, археологи, лингвисты: Адольф Френсис, Альфонс Бандельер, Джон Ллойд Стивенс, Фредерик Кезервуд (Теоберт(о) Малер Сильванус, Гризуолд Морли, уже упоминавшийся Шарль-Этьен Брассёр де Бурбур и др.

Что же касается сведений об астеках, достигших наиболее высокого уровня в области литературно-поэтического творчества, обратимся к ставшей классической работе М.Леона-Портилья. *La filosofia nahuatl estudiada en sus fuentes*. В русском переводе работа носит название «Философия нагуа. Исследование источников» (1961, 2010), впервые издана в Мехико в 1959 г. [7]

Мексиканский исследователь говорит о двух группах источников. Во-первых – первоисточники: тексты на языке науатл; источники на других языках, созданные непосредственно в первые годы завоевания; кодексы, произведения искусства. Во-вторых – научные исследования мысли науа.

Самые значимые – тексты на языке науатл, тексты на других языках, произведения изобразительного искусства, кодексы, работы различных исследователей. Самое большое значение имеют тексты на языке науатл: собранные Бернардино де Саагуном и его индейскими информаторами; коллекция «Мексиканских песен»; науатльский оригинал «Анналов Куаутитлана» и др. Эти источники, представляющие собой богатейшие

собрания информации о взглядах народов, говоривших на языке науатл, были записаны первыми хронистами латиницей, т.к. народы, использовавшие этот язык, не имели алфавитной письменности. Работа по их переводу и изданию началась в конце XIX начале XX в. Во-вторых – научные исследования мысли науа. После подвига первых хронистов, благодаря которым удалось сохранить информацию, совсем не имевшую носителей (передавалась устной традицией) или же носитель подвергались сознательному систематическому уничтожению (кодексы) в течение нескольких веков, их действительно научное исследование началось только спустя два века. Леон–Портилья начинает список с имени мексиканского ученого др-ра Хуана Хосе де Эриара-и-Эгурен (1696-1763), по праву считая его «инициатором истории идей в Мексике», а его работу «первой попыткой обобщения самого ценного в науатлской культуре и мысли». Приведу некоторые примеры опубликованных научных трудов по теме, лишь для того, чтобы показать, что на интересующий нас момент биографии Волошина существовала литература, способная послужить источником достоверной информации. «Древняя история Мексики» Франсиско Хавиера Клавихеро опубликована в 1767 г. в Болонье, Италия. В 1890 г. Даниел Бринтон перевел на английский и издал 28 «Мексиканских песен», переложенных на испанский язык и вышедших под названием «Древняя науатлская поэзия». В переводе на немецкий язык, сделанном Эдуардом Селером с обширными и квалифицированными комментариями, в Берлине 1904 изданы двадцать гимнов, приведенных Саагуном. «Легенда о солнцах, или «Рукопись 1558 г.», представляющая собой объяснение исчезнувшего индейского кодекса, в котором в пиктографической форме сохранилась история Солнц, впервые расшифрована и переведена и опубликована в 1903 Франсиско дель Пасо и Тронкосо. К этому периоду так же относятся издания некоторых Кодексов. В 1904 году «Мексиканские песни» были полностью опубликованы по способу фототипии (копия сделана в последней трети 16 в), работа Александр фон Гумбольдта «Вид на Кордильеры и памятники туземных народов Америки» издана в Париже в 1813 г. Как видно из этого, далеко не полного списка, именно на рубеже XIX-XX в. издано достаточное количество научных трудов, не потерявших своей значимости и информативности до настоящего

времени. Несомненно, Волошин мог самостоятельно ознакомиться с их содержанием, но, к сожалению, сравнение подробного перечня этих исследований со списком книг библиотеки, хранящейся в Доме Волошина, поиск по его работам, так же не дал положительного результата. Ни малейшего упоминания или хотя бы намека на знакомство с этой литературой обнаружить, также не удалось. Остается предположить, что они просто не попали в его поле зрения.

В то же время можно обнаружить факты и свидетельства множества совпадений, созвучия идей, образов и смыслов, рожденных в этих никогда не соприкасавшихся культурах, благодаря воображению и дару их создателей. Возможно, люди могут чувствовать и мыслить *одинаково, об одном и том же*, потому что они люди и так устроены (своеобразный антропный принцип) а значит, в принципе способны понять друг друга? Включается ли при этом научная рациональность, создающая понятия, или же образы и смыслы получены путем мифопоэтического мировосприятия – в любом случае, они дополняют друг друга, несут достоверное знание, создавая постоянно дополняющуюся сложную картину мира, изменяющуюся по мере развития человеческой цивилизации.

Не смотря на то, что нелепо было бы говорить о дословных текстуальных совпадениях, и вполне справедливым будет возможный упрек в том, что сравниваются всего лишь собственное интерпретации, тем более, что тексты науа будут представлены для нас, в основном, двойным переводом, прибегнем к воображению, уповая на то, что «через способность к воображению раскрывается природа человека и его способность взаимодействовать с текстами, в том числе и с текстами самого бытия» [11, с.22], потому что речь в них пойдет именно о вопросах бытия, а значит о философии.

Одна из центральных философских идей древних мексиканских мыслителей, отвечающая на вопрос о том, благодаря чему держится земля, изложена М. Леон-Портилья на основе тщательного лингвистического анализа древних текстов. «Это двойственное начало, открытое в результате долгого размышления и символически отображенное в образе *Кецалькоатля*, это – Ометеотль (бог дуальности в своей двойственной женско-мужской форме....он ясно выражает единое начало, единую действительность, обладая одновре-

менно двумя свойствами: мужским и женским; он понимается как создающее ядро, всеобщая основа жизни и всего существующего». [7, с.109].

Тот кто находится за небом....
 Та, кто в юбке из звезд,
 Тот, кто заставляет светиться вещи;
 Госпожа нашей плоти, Господин нашей плоти;
 Та, что одевается в черное,
 Тот, что одевается в красное,
 Та, что дает устойчивость земле,
 Тот, что дает земле биение жизни
 ...место Дуальности [7, с.310]

Далее приведем строки из небольшого цикла, написанного Волошиным в 1904 г., названного «Когда время останавливается»:

И день и ночь шумит утрюмо,
 И день и ночь на берегу
 Я бесконечность стерегу
 Срежь свиста, грохота и шума.
 Когда ж зеркальность тишины
 Сулит обманную беспечность,
 Сквозит двойная бесконечность
 Из отраженной глубины.
 ....
 Как ядро, к ноге прикован
 Шар земной. Свершая путь,
 Я не смею, зачарован,
 Вниз на звезды заглянуть.
 Что одни зовут звериным,
 Что одни зовут людским –
 Мне, который был единым,
 Стать отдельным и мужским. [2, с.77]

«9 августа 1904 г. Волошин записал в «Истории моей души»: «мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход – в прошлое. Завесу будущего нам заказано подымать. Кто подымет и увидит, тот умрет, т.е. лишится иллюзии свободы воли, которая есть жизнь. Иллюзия возможности действия. Майя. В будущее можно проникать только желанием». [2, с.390] Возможно, это единственное и прямое упоминание Волошиным имени одной из культур доколумбовой Америки и слабый намек на знакомство с ее содержанием.

О несвязанных связях

Одной из задач любого историко-философского или историко-научного исследования является поиск генетических связей

между различными теориями, и их творцами, и последователями: преемственность, споры, взаимовлияния, взаимосвязи и противоречия, рождение, трансформация и передача научных и философских знаний и смыслов. Эти знания и смыслы, как правило, обретают жизнь, существуют и анализируются в едином пространственно-временном поле. Обычно мы ищем признаки связи, взаимодействия, взаимовлияния для того, что бы показать, что они есть, но в данном случае именно их отсутствие представляется особо ценным, служа доказательством невозможности подражания или заимствования. С одной стороны, поиск следа, понятого в смысле следования определенной традиции, не дал положительного результата – свидетельств генезиса, или влияния обнаружить не удалось. В то же время, «следы», в том смысле, о котором говорил Антонио Мачадо – как приметные выступающие из бескрайнего моря культуры «скалы», сотворенные Максимилианом Волошиным на пройденной им дороге миропознания, оказались схожими со «следами», оставленными в культуре представителями других цивилизаций. Сравнить тексты, созданные в культурах никак не соприкасавшихся, ни во времени, ни в пространстве, не имевших возможности что-то перенять или позаимствовать друг у друга и найти объединяющие их основания, тем более интересно!

Никого не удивляет, что научные открытия или технические изобретения могут делаться различными исследователями независимо друг от друга, и не обязательно эти открытия или изобретения являются результатами последовательного, поступательного, эволюционного развития. Очень часто они его опережают, не бывают признаны, предаются забвению в своем времени, как говорят, опережают его. Какие-то дожидаются своего срока, а какие-то открытия делаются заново. По мнению академика В.С.Степина, многие инновационные идеи выдвигаются и высказываются в рамках философии и ждут своего часа – развития и подтверждения. Причина может быть как в гениальном прозрении ученого, так и в неготовности общего теоретико-научного уровня для того, чтобы выдвинуть и принять новые мысли, или же особой эвристической функции самой философии.

Носителем таких идей может выступать не только сама философия, как одна из представительниц рационального мышления, но и иные области человеческого миропонимания

и познания, способные получать, выражать сохранять и транслировать полученные знания. Одна из специфических особенностей философии в том, что она способна существовать в разных «измерениях» а ее смыслы, могут транслироваться, как в научно-рациональной так и в мифопоэтической форме и позволяют выходить из одномерного, как лист бумаги, плоского культурно-исторического пространства-времени. Приобретая универсальный объем, они становятся вне-культурными, вне-научными, вне-временными, а значит доступными перекрестному пониманию для других: видов знания, культур и времен. «Философ – настоящий философ – всегда поэт. Он остается поэтом даже тогда, когда говорит о науке или заимствует что-то из науки, или даже опирается на науку. Философ свободно рисует паттерн бытия. Философ – это мыслитель, свободный от парадигмы своего времени. И бессмысленно упрекать его за то, что ему не удалось что-то осветить». [11, с.21]

К сожалению, знания, не вплетенные в ткань магистральной науки, имеют свойство утрачиваться и теряться во времени, иногда безвозвратно, а иногда «обнаруженные» историками науки остаются как курьезные факты. Недаром говорят, что новое – это хорошо забытое старое. И тогда, одним из видов научного поиска становятся «раскопки», перестающие быть прерогативой археологов и палеонтологов.

Об осмыслении смыслов

Проведение параллелей образов и смыслов рожденных в различных культурных пространствах может способствовать как извлечению из забвения идей подобного рода, так и помогает ответить на вопрос о том, что делает *возможной межкультурную коммуникацию*.

Даже в обыденной, повседневной жизни отсутствие понимания зачастую становится причиной серьезных конфликтов и приводит к глобальным, катастрофическим последствиям. Ни общий язык, ни существование в одном культурном пространстве и одной временной эпохе, не гарантируют того, что понимание будет достигнуто. Возможно ли его достижение, если язык, время, культура, уровень социально-экономического развития – все разное? Сейчас очень много говорят о диалоге цивилизаций и взаимодействии культур. Постановка в рамках философии вопроса о том, как люди могут понимать

друг друга и возможно ли взаимопонимание в принципе выводит философию в область действительной реальной жизни и способна объединить результаты, полученные в других областях знания, вкладывающих свою часть в сложную, многомерную картину-пазл, воссоздающую процесс межкультурного общения.

В Ветхом Завете рассказана печальная легенда о строительстве Вавилонской башни: «И сказал господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот, что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так что бы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню].» [Быт. 11.1-10] По сути это метафора, говорящая о разобщенности людей, не имеющих возможности понимать друг друга, а Башня – образ общего благого дела, терпящего из-за этого неудачу. Оглядываясь на тысячелетия обозримой истории, мы видим, как рассеянные по земле, говорящие на разных языках народы, существуют в непонимании, в мучительных поисках лучшей жизни, конфликтах и войнах, отстаивая свою исключительность, самостоятельность, и превосходство. Одни категорически не желают ни понимать, ни принимать чужую инаковость, другие с таким же упорством ищут точки соприкосновения и некие общие глубинные основания, говорящие о возможности того, что некогда «рассеянное» будет собрано, и люди обретут способность понимать друг друга. А главное, на основе этого понимания действовать и строить общее благо, с осознанием того, что преемственность, взаимопроникновение и взаимодействие культур необходимое условие развития и выживания человечества.

На сколько отличаются чувства и ощущения людей древности, средневековья, современности? Человеку всегда приходилось: осознавать бессилье перед силами природы, социальными катаклизмами; выбирать между четкой регламентацией возможных жизненных ситуаций и свободой в принятии решений за себя и других. Мир «рушился» всегда и всегда стоял вопрос – как к этому относиться, в чем найти опору для жизни и как оправдать свои действия. Сегодня мы защищены не более чем когда бы то ни было, ни объективно, ни по ощущениям. Философия начинается тогда, когда человек задает себе вопрос о том, какого его место в этом мире, что он можем знать о нем и том, что находится по ту сторону жизни. Выразиться это вопрошание может

в различной форме: как аналитически, так и метафорически.

Между действительно научным подходом и обывательским взглядом на древнее интеллектуальное и художественное наследие цивилизаций доколумбовой эпохи лежит настоящая пропасть. С самого начала завоевания восхищение красотой сохранившихся образцов искусства не мешало европейцам уничтожать высочайшие его образцы, переплавляя в слитки золотые и серебряные украшения и предметы. Потрясение величественной монументальностью памятников и закрепившейся образ загадочности и таинственности, не препятствовал их разрушению и показательному сожжению «дьявольских каракулей» – кодексов. В массовом сознании, до наших дней, прочно закрепилось мнение о невежестве, варварстве и зверстве всех древних и современных жителей Нового света. Одним их «ключевых» слов в данном вопросе, как и 500 лет назад, выступают слова: «человеческие жертвоприношения». Ведь это так «цивилизовано» – содрогаясь в священном ужасе перед нравами и обычаями прошлого «свысока» собственного уровня считать себя выше предыдущих эпох и иных культур и осудить и наказывать, уничтожить, не давая себе труда понять и объяснить истинные причины и мотивы чужих поступков. Гораздо проще осудить чужое «варварство», чем задуматься о том, во имя чего и по сей день приносятся бесчисленные кровавые жертвы в войнах и революциях.

О вытеснении доминирующего

Современное общество, по типу цивилизационного развития относимое к техногенному, сформировалось в европейском регионе в XV-XVII вв. «с последующей экспансией на остальной мир и изменением под их влиянием традиционных обществ. Некоторые из этих традиционных обществ были просто-напросто поглощены техногенной цивилизацией; пройдя через этапы модернизации, они превращались затем в типичные техногенные общества. Другие, испытав на себе прививки западной технологии и культуры, тем не менее, сохраняли многие традиционные черты, превратившись в своего рода гибридные образования». [16, с. 18] Завоевание Америки – один из наиболее показательных примеров столкновения, традиционной и техногенной цивилизаций, в котором с особой наглядностью можно наблюдать и противоречия

между «двумя основными типами мировосприятия, свойственными человеку и обществу в определенные периоды становления и развития и соответственно, доминирующими в определенных культурах – аналитическим и мифопоэтическим». [4, с.4]

В настоящее время существует обширная научная литература, в том числе и на русском языке, достаточная для того, чтобы получить необходимые знания о содержании памятников художественной и интеллектуальной мысли доколумбовой эпохи.

Цивилизации Нового света в полной мере соответствовали традиционному типу. На момент начала завоевания по всем объективным показателям, экономическим, социальным, уровню развития знания «мир ацтеков едва достиг зрелости. Не содержа в себе ни примитивности, ни упадка, столица отражала в себе, как в зеркале, народ, который сохранил пламенную сплоченность, но, стоя на вершине империи, открывал для себя новые горизонты». [17, с.66]

Как уже было сказано, носители языка наука, к моменту прихода завоевателей не владели алфавитным письмом. Литературное и философское наследие этой цивилизации дошло до нашего времени благодаря творческому гению создателей уникальных произведений искусства, авторам кодексов и устной традиции сохранявшей и бережно поддерживавшей в образовательных центрах весь багаж знаний, навыков, этических норм и образа жизни, который составлял основу цивилизации. Доминирующим типом мировосприятия было, безусловно, мифопоэтическим, на нем базировалась вся система знания и была создана богатейшая литература, в основном поэзия.

«Могучее и глубокое творчество во многом бывает бессознательным и многосмысленным. В понимании оно восполняется сознанием и раскрывается многообразием смыслов. Таким образом, понимание восполняет текст: оно активно и носит творческий характер. Творческое понимание продолжает творчество». [1, с.19] Попытаемся, следуя словам М.М.Бахтина, творчески подойти к выделенной проблеме и показать, что в рамках мифопоэтического мировосприятия, возможно создание сопоставимых образов и смыслов, имеющих универсальный философский характер. В них схватываются моменты и высвечиваются стороны, ускользающие из поля зрения и воз-

возможностей научно-рационального знания. Особый талант, сочетающий философский и поэтический дар, внося эмоциональную, творческую составляющую познающей личности в научную картину мира позволяет выйти на иной уровень постижения, расширить объем познания и выражения сложности и красоты мира:

«О, воинственные владыки,
О, не знающие поражений,
Обратим свои взоры к небу,
В небесах поищем ответа,
Все что там, – нетленно и вечно,
Среди сумрака преисподней
Обновляются силы Солнца,
А во тьме ночной непроглядной
Только ярче сияют звезды.
Свет небесных огней не гаснет,
И никто его не изменит,
Проявляется в нем создатель,
В нем величие его и слава.
Созерцали их наши предки,
Точно также их будет видеть
Мир потомков наших грядущих. [12, с. 480]

О сравнении несопоставимого

Отгалкиваясь от характера мировосприятия можно сопоставить и сравнить, казалось бы, несопоставимые по объему и значению вещи: мировоззрение целой цивилизации, живущей ценностями традиционного общества, где доминирующим типом познания является мифопоэтическое мировосприятие; и взгляды одного, пусть необыкновенно одаренного поэта, живущего в обществе, вступившем в фазу интенсивного техногенного развития. Эпоху, когда «самое главное и действительно эпохальное, всемирно-историческое изменение, связанное с переходом от традиционного общества к техногенной цивилизации, состоит в возникновении новой системы ценностей. Ценностью считается сама инновация, оригинальность, вообще новое» [16, с. 20] Волошин весьма скептически отнесся к этим ценностям, переоценивая в цикле «Путями Каина» свое отношение к материальной культуре. Мировосприятие Волошина как поэта, основной целью своего творчества всегда считавшего познание, всегда оставалось мифопоэтическим, т.е. в рамках своей эпохи – вытесненным на периферию, маргинальным, что ни в коей мере не лишает его познавательной значимости.

Вот заключительные строки из «Подмастерья» (1917), названного автором «мой поэтический символ веры»:

«Когда же ты поймешь,
Что ты не сын земле,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду – и в тварях, и в вещах –
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,
Что ты освободитель божественных имен,
Когда поймешь, что человек рожден,
Пришедший изназвать
Всех духов – узников, увязших в веществе,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума –
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь мастером». [2, с.237]

Внутренняя гносеологическая установка, сформулированная сознательно и последовательно на то, что поэзия, художественное творчество это способ познания мира, это то основное, что объединяет мыслителей наука и Волошина, и еще раз подтверждает статус мифопоэтики как вида знания.

Не смотря на то, что построенная ацтекскими картина мира основывалась на мифопоэтическом мировосприятии и носила мифологический характер, она вполне соответствовала уровню развития научно-технических знаний и достижениям своего времени. Она была построена на точных астрономических наблюдениях и математических вычислениях. И сегодня поражают: точность ацтекского календаря; грандиозность архитектурных сооружений; системы каналов и водоснабжения в городах; высочайший уровень ремесла и искусства в области ткачества, обработки металлов и драгоценных камней. «Альбрехт Дюрер, увидевший в 1520 году в Бельгии кое-какие из подарков, Сделанных Мотекусомой Кортесу, которые тот прислал Карлу V, писал: “Эти предметы столь драгоценны, что их оценили в сто тысяч флоринов. За всю жизнь я не видел вещей, столь радующих сердце, ибо нашел в них восхитительное искусство и был поражен изощренным умением людей из тех чужих краев”». [17, с.102] В рамках этой картины мира создавались установки, четко регламентировавшие как повседневную жизнь каждого члена общества, так и определялось

высшее предназначение всего народа, заключавшееся в поддержании стабильности мироздания. С точки зрения человека того времени система знаний, законов, воспитания, установлений и управления – то есть вся система образа мысли и жизни прекрасно «работала», иными словами подтверждалась эмпирическими фактами, а значит была для них истинной. О чем и сказали в своем обращении к завоевателям последние ацтекские мудрецы: «Может быть, к нашей гибели, / Может быть, к нашему уничтожению / Мы лишь идем. / [Но] куда же нам еще идти? / Мы простой народ. / Мы подвержены гибели, мы смертные; / дайте же нам умереть, / дайте же нам погибнуть, / раз уже умерли наши боги». [7, с.144] Даже гибель их мира от рук незваных пришельцев, а вовсе не от предсказанной вселенской катастрофы, не могла заставить их усомниться в собственной картине мира – они предпочитали погибнуть, чем принять ту, что им навязывали пришельцы.

В авторском предисловии к изданию 1959 г. М. – Л. Портилья пишет: «Доиспанская мысль науа, хотя и далека от любой формы рационализма, не перестает, однако, быть философией. В ней есть концепции, символы и наметки такой глубины, что могут послужить опорой в нашей жизни и дать ей новый смысл. Если же вам, читатель, покажется, что это не так, изучите и оживите, на основе символов «цветка и песни» (ин хочитл, ин куикатл), в собственном «я» концепцию познания науа, их учение о человеке как «хозяине лица и сердца» (ихе, йоло), идеал того, кто умеет беседовать с собственным сердцем» или того, кто с «обожествленным сердцем» превращается в художника, который вносит в вещи высший символизм божественного», художника, который учит «лгать» золото, глину, камень и бумагу из амате своих кодексов для того, чтобы в них оживали символы». [8, с. 15] В этом маленьком абзаце перечислены именно те моменты, в которых можно увидеть, по аналогии с «вероятностным постижением» – «вероятностное совпадение» с поэзией Максимилиана Волошина.

Концепция «цветка и песни» одна из центральных, смыслополагающих для философской мысли науа – плод размышлений и выводов метафизического философского характера, единственный способ познать и высказать истину. «Цветок и песня» – дословный перевод устоявшейся идиомы языка науатль, в метафорическом значении – «поэма» или

«поэзия». М.Леон Портилья пишет: «они утверждали, что посредством метафоры – поэзии «цветка и песни» – смогут постигнуть истинное. Они подтверждают это, указывая, что именно поэзия имеет божественное происхождение: “приходит сверху”, Или, говоря современным языком, она является результатом интуиции, которая затрагивает самое сокровенное в человеке, заставляет его произносить слова, проникающие в сущность того, что превосходит самый грубый опыт. В этом отношении «цветок и песня» представляют собой тот язык, которым ведется диалог между божеством и людьми» [7, с. 161] В процессе творческого постижения мира поэт становится создателем и проводником истинного знания: «Распускаются цветы, они свежие, / они становятся все красивее /и открывают свои венчики, / из них выходят цветы песни, / на людей ты их выплескиваешь, /разбрасываешь, / ты – певец!» [7, с.159]

«Из недра сознания, со dna лабиринта
Теснятся виденья толпой оробелой...

И стих расцветает цветком гиацинта,
Холодный, душистый и белый»

«Рождение стиха» Бальмонту, 1904. [2, с.82]

Александр Бенуа говорил о Волошине «Я “не совсем верил” ему, когда по выступлениям красивых и звучных слов он взбирался на самые вершины человеческой мысли, откуда только и можно “беседовать с Богом” и где поэзия переходит в пророчества и в вещания». [3, с.326]

«Так будь же сам вселенной и творцом!

Сознай себя божественным и вечным

И плавь миры по льялам душ и вер.

Будь дерзким зодчим Вавилонских башен,

Ты заклинатель сфинксов и химер!

Из цикла «Путями Каина», 1923. [2, 303]

С предназначением художника и задачей художественного творчества связаны у науа понятия «лица» и «сердца» – еще одной парой метафор, которые служат для обозначения и характеристики того, что сегодня мы бы назвали творческой личностью философа-поэта, постигающего на земле «истину» о мире и потусторонности т.е. метафизическую. «Хороший художник: тот, кто понял / Бога в своем сердце, / Кто обожествляет своим сердцем вещи, / беседует со своим сердцем». [7, с.276] Глина «наученная лгать» мастером, перестает быть глиной, она ожива-

ет, принимает тот образ, который художник нашел в своем сердце. «Человек мог обнаружить свою собственную *истину*, лишь создав свое настоящее “лицо” и “сердце”. Только так он будет в состоянии найти наконец дорогу, ведущую к “истинному на земле”, и получить с помощью “цветов и песен” ответ, раскрывающий скрытый смысл таинства жизни и страданий на земле». [7, с.203]

Для Волошина занятие живописью, как и поэтическое творчество, способ познания природы и творческое сотворение нового. При всей ироничности отношения Александра Бенуа к творчеству Волошина, особенно поэтическому он считал, что в его художественных работах «пленительная легкость сочеталась с отличным знанием природы. Именно – *знанием*, ибо Волошин не писал этюдов с натуры, но строил и расцветчивал свои пейзажи “от себя” и делал это с тем толком, который получается лишь при внимательном и вдумчивом изучении». [3, с.327]

Желание оставаться самим собой, самому быть мерилем вещей и поступков в жизни и творчестве выводит поэта на уровень постижения универсальных истин. В работах посвященных искусству «Скелет живописи» и «Индивидуализм в искусстве» он писал: «Художники – глаза человечества. Они идут впереди толпы людей по темной пустыне, наполненной миражами и привидениями, и тщательно ощупывают и исследуют каждую пядь пространства. Они открывают в мире образы, которых никто не видел до них. В этом назначение художника... Таинство художественной техники в том, что художник приходит к глухонемой и слепой материи и любовным усилием заставляет стать вещей и зрячей.... Задача искусства лежит не в том, чтобы быть зеркальным отражением своей эпохи, а в том, чтобы в каждый момент преображать, просветлять и творить окружающую природу». [3, с.225-240]

О вечной мимолетности

Тема «мимолетности», быстротечности жизни, несомненно, заслуживает отдельного самостоятельного развития и не только потому, что осознается человеком и человечеством как одна из первых экзистенциальных проблем. Казалось бы, может быть очевиднее и трагичнее жизни и смерти? И здесь уместно еще раз вспомнить фразу из дневника Волошина, в связи с которой упоминается

имя цивилизации Майя. В стихах эта мысль звучит так:

«Быть заключенным в темнице мгновенья,
Мчаться в потоке струящихся дней.
В прошлом разомкнуты древние звенья,
В будущем смутные лики теней»
«Когда время останавливается» 1904 г. [2, с. 77]
«Все бытие случайно и мгновенно.
Явленья жизни – беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознание – вспышка молнии в ночи.» [2, с. 302]
«Путиами Каина» 1023 г.

В мировоззрении наука тема мимолетности вписывается как основной побуждающий мотив, выводящий поэта-философа на путь познания истины. Преходящий характер земной жизни и всего, что ее сопровождает, приводит к поиску высшего, бессмертного имеющего основу в самом себе божественному, началу. Выраженное в поэзии, оно остается на земле в статусе истинного знания о потустороннем.

«Мы на земле не всегда –
Лишь на короткое время,
Ведь и нефрит разрушается,
В пыль обращается золото,
Рвутся бесценные перья.
Мы на земле не всегда –
Лишь короткое время» [12, с. 475]

С другой стороны, быстротечность жизни, печаль и тоска по всему прекрасному, подверженному увяданию и смерти являясь лейтмотивом лирики наука, позволяет исследователям говорить о высоком уровне развития культуры.

«Весь наш мир – лишь одна могила,
Избежать ее не возможно,
Не имеет никто совершенства,
Чтоб в нее не пасть, не исчезнуть.
Ручьи, реки, источники воды,
Что текут по земному лону,
Никогда больше не вернуться
Радостно к своему истоку» [12, с.478]

Об исключительной универсальности

Волошина можно отнести к тому типу мыслителей, который с одной стороны, пытался найти в огромной массе культурного наследия направление и течение, созвучное его мироощущению, а с другой, всегда стремился найти

свой собственный путь: в искусстве, в мышлении, в жизни. Движимый всеобъемлющей жаждой познания, толкавшей его на странствия и поиск, он находит свое предназначение, сам творит свою дорогу, а вместе с ней – свою вселенную, производя свои собственные смыслы, ставшие его значимыми «следами» и вехами. Благодаря этому ему удалось, сохранив собственную особенность и индивидуальность, быть в полной мере, ярким представителем Серебряного века – «эпохи проживающей одновременно многие времена многих культур». [5, с.178]

Все люди, так или иначе, обладают способностью к мировосприятию, и естественно предположить, что у кого-то эта способность развита больше других. Человек, являясь частью того мира, который он познает и воссоздает в своих ментальных построениях, действует в нем сообразно своему миропониманию и благодаря этому создает для своего дальнейшего существования новую реальность. Кто-то обладает особым, талантом в этой области, возможно, гениальностью, это люди, которым дано от природы, или свыше, воспринимать действительность с большей степенью достоверности и доносить это посредством своего творчества до других людей. В различных религиозных практиках признание существования подобного дара и божественного откровения, обеспечивает возможность познания бога и божественных истин. В процессе творчества

благодаря этим способностям, сочетаемым с музыкальным талантом или талантом художника, рождаются гениальные произведения – музыкальные, изобразительные, литературные. В полной мере подобным сочетанием талантов обладали народы (если можно говорить о таланте целого народа) Доколумбовой Америки. Такого же рода был талант Максимилиана Волошина: в нем сочеталось тонкое глубокое миропонимание, образное художественное видение и поэтический дар. Результат – создание универсальных философских смыслов, которые являются неотъемлемой частью его творчества, и придают ему особенный статус – истинного знания.

Проследившая цепочку: поэтическое творчество – философские смыслы – межкультурная коммуникация, можно сделать вывод, что «следы» созданное одним человеком, народом, культурой, могут быть адекватно восприняты и поняты другим человеком, народом, культурой. В этом ракурсе мифопоэтика предстает не только как способ получения знания о мире, но и как путь, ведущий к сознанию многозначимых «культурных следов». Нельзя повторить и прожить чужую жизнь, но можно видеть чувствовать и понимать, созданное другими – ближними и дальними, потому что, заканчивая словами Эдгара Морена, «реальное и воображаемое сотканы, сплетены воедино, образуют сложный комплекс нашего бытия, нашей жизни» [9]

Библиография:

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. /Сост., авт. предисл., с. 3-19 и примеч. О. Е. Оссовский. М. Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. 139,[1] с.
2. Волошин Максимилиан. Стихотворения. /Вступительная статья С.С. Наровчатова. Составление, подготовка текста и примечания Л.А.Евстигнеевой. Л.: Советский писатель. 1977. 464 с.
3. Волошин М. Любовь – вся жизнь. Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Избранное / Сост., ил., вступ. Сл., коммент. Н.М.Мирошниченко. Симферополь, 2008. 368 с.; ил. 16 с.
4. Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 432 с..
5. Кребель И.А. Мифопоэтика серебряного века: Опыт топологической рефлексии / И.А. Кребель. СПб.: Алетейя, 2010. 592.с.
6. Купченко В.П. Максимилиан Волошин и Диего Ривера // Латинская Америка. 1977. №2. С.182-186.
7. Леон-Портилья М. Философия нагуа. Исследование источников. 2-е изд., изм и доп. – пер. с исп. Р.Бургете, М.Бургете. М.: Постум, 2010. 480 с.
8. Леон-Портилья М. Философия нагуа. Исследование источников. Пер.с исп. И коммент. Р.Бургете. М.: Изд.Иностранной литературы, 1961. 384 с.
9. Морен Э. Метод. Природа Природы. / перевод, вступительная статья Князева Е.Н.М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
10. Маковский С. Портреты современников. Максимилиан Волошин // Серебряный век. Мемуары. (Сборник) / Составитель Т. Дубинская-Джалилова. М.: Известия, 1990. С.146-159

11. Налимов В.В. Спонтанность сознания . Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Изд. 3-е. М.: Академический проект; парадигма, 2011. 399 с.
12. Несаялькойотль. Избранная лирика // Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. Книга первая. Фернандо де Альва Иштлльшочитль. Хуан Баутиста де Помар / пер.с исп. В.Н.Талаха; под ред. В.А.Рубеля. К.: Лыбидь, 2013. – 504 с.
13. Озеров Л.Максимилиан Волошин, увиденный его современниками // Воспоминания о Максимиллиане Волошине. <http://voloshin.ouc.ru/vospominaniya-o-maksimiliane.html>. дата обращения 30.03.2015
14. Полевой В.М. Искусство стран Латинской Америки. М, «Искусство», 1967. 324 с.
15. Сикейрос, Д. меня называли Лихим Полковником: Воспоминания. Пер. с исп. М.: Политиздат, 1986. 414с., ил.
16. Степин В.С. Теоретическое знание.М.: Прогресс Традиция, 2000. 744 с.
17. Сустель Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания / Жак Сустель; науч. ред. И вступ. Ст. Г.Г.Ершовой; пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. М.: Молодая гвардия, 2007. 287 [1] с.: ил.

References (transliterated):

1. Bakhtin M.M. Chelovek v mire slova. /Sost., avt. predisl., s. 3-19 i primech. O. E. Ossovskii. M. Izd-vo Ros. otkrytogo un-ta, 1995. 139,[1] s.
2. Voloshin Maksimilian. Stikhotvoreniya. /Vstupitel'naya stat'ya S.S. Narovchatova. Sostavlenie, podgotovka teksta i primechaniya L.A.Evstigneevoi. L.: Sovetskii pisatel'. 1977. 464 s.
3. Voloshin M. Lyubov' – vsya zhizn'. Stikhotvoreniya. Perevody. Stat'i. Vospominaniya o Maksimiliane Voloshine. Izbrannoe / Sost., il., vstup. Sl., komment. N.M.Miroshnichenko. Simferopol', 2008. 368 s.; il. 16 s.
4. Kozolupenko D.P. Mifopoeticheskoe mirovospriyatie. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2009. 432 s..
5. Krebel' I.A. Mifopoetika serebryanogo veka: Opyt topologicheskoi refleksii / I.A. Krebel'. SPb.: Aleteiya, 2010. 592.s.
6. Kupchenko V.P. Maksimilian Voloshin i Diego Rivera // Latinskaya Amerika. 1977. №2. S.182-186.
7. Leon-Portil'ya M. Filosofiya nagua. Issledovanie istochnikov. 2-e izd., izm i dop. – per. s isp. R.Burgete, M.Burgete. M.: Postum, 2010. 480 s.
8. Leon-Portil'ya M. Filosofiya nagua. Issledovanie istochnikov. Per.s isp. I komment. R.Burgete. M.: Izd.Inostranoi literatury, 1961. 384 s.
9. Moren E. Metod. Priroda Prirody. / perevod, vstupitel'naya stat'ya Knyazeva E.N.M.: Progress-Traditsiya, 2005. 464 s.
10. Makovskii S. Portrety sovremennikov. Maksimilian Voloshin // Serebryanyi vek. Memuary. (Sbornik) / Sostavitel' T. Dubinskaya-Dzhalilova. M.: Izvestiya, 1990. S.146-159
11. Nalimov V.V. Spontannost' soznaniya . Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti. Izd. 3-e. M.: Akadameshchii proekt; paradigma, 2011. 399 s.
12. Nesau'al'koiotl'. Izbrannaya lirika // Istoriki Dokolumbovoi Ameriki i Konkisty. Kniga pervaya. Fernando de Al'va Ishtl'tl'shochitl'. Khuan Bautista de Pomar / per.s isp. V.N.Talakha; pod red. V.A.Rubelya. K.: Lybid', 2013. – 504 s.
13. Ozerov L.Maksimilian Voloshin, uvidennyi ego sovremennikami // Vospominaniya o Maksimiliane Voloshine. <http://voloshin.ouc.ru/vospominaniya-o-maksimiliane.html>. data obrashcheniya 30.03.2015
14. Polevoi V.M. Iskustvo stran Latinskoi Ameriki. M, «Iskusstvo», 1967. 324 s.
15. Sikeiros, D. menya nazyvali Likhim Polkovnikom: Vospominaniya. Per. s isp. M.: Politizdat, 1986. 414s., il.
16. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie.M.: Progress Traditsiya, 2000. 744 s.
17. Sustel' Zh. Povsednevnyaya zhizn' atstekov nakanune ispanskogo zavoevaniya / Zhak Sustel'; nauch. red. I vstup. St. G.G.Ershovoi; per. s fr. E.V. Kolodochkinoi. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 287 [1] s.: il.